

ДИСКУССИИ И ОБОУЖДЕНИЯ

© 1990 г.

В. И. Козлов

ПУТИ ОКОЛОЭТНИЧЕСКОЙ ПАССИОНАРНОСТИ

**(О концепции этноса и этногенеза,
предложенной Л. Н. Гумилевым)**

Немного истории и о правилах дискуссии. Важной особенностью советской этнографической науки в последние десятилетия было усиление внимания к анализу огромного накопленного фактического материала по народам Советского Союза и всего мира, переход от трудов описательного типа к обобщающим, разработка теории этноса и этнических процессов. Результатом такого перехода явилась добрая сотня статей и десятков монографий; видное место среди последних занимает книга Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса»¹ с обстоятельной библиографией, к которой можно адресовать интересующегося читателя. Разработка теории этноса еще не завершена, по отдельным относящимся к ней вопросам, например по историческим типам этнических общностей, еще продолжают горячие споры². Но если не принимать во внимание весьма оригинальные взгляды некоторых философов³, то нетрудно заметить, что дискуссии в этой области ведутся если не единомышленниками (такого в настоящей науке обычно не бывает), то людьми,двигающимися к познанию истины, так сказать, примерно в одном направлении, что в значительной степени обусловлено признанием ими социальной сущности этноса.

Однако в то же самое время в стороне от основной массы этнографов (и шире — обществоведов) шла разработка своеобразной концепции этноса как биолого-географического феномена, возникшего под воздействием мутационных по своей природе «пассионарных» сил. Автором ее является историк Л. Н. Гумилев, известный ранее главным образом своими трудами по средневековым кочевым народам Евразии (хазарам, гуннам и др.). В конце 1960-х — начале 1970-х годов он изложил эту концепцию в ряде статей, опубликованных в журналах естественногеографического профиля и потому, вероятно, не привлечших пристального внимания большинства гуманитариев⁴. Все же обобщающая статья Л. Н. Гумилева по концепции этногенеза подверглась обсуждению⁵, а общий критический анализ всех его статей был дан мною в обзоре «О биолого-географической концепции этнической истории»⁶. Насколько можно понять, какого-то воздействия на самого Л. Н. Гумилева такая критика 1970-х годов не оказала, и к 1979 г. он представил уже сводный трактат «Этногенез и биосфера Земли», рукопись которого была депонирована во ВНИИТИ. Этнографы и другие обществоведы на это событие должным образом не отреагировали; в журнале «Советская этнография», например, на трактат Гумилева не было даже рецензии, а между тем изложенные в нем ошибочные идеи находили своих сторонников. Весьма показательна в этом отношении статья Ю. М. Бородаева «Этнические контакты и окружающая среда»⁸, в которой тот, основываясь на взглядах Л. Н. Гумилева, стал развивать расистско-националистические идеи о вреде этнокультурных контактов (особенно межэтнических браков). Такие идеи были встречены с осуждением⁹, но то и другое ограничилось опять-таки рамками естественнонаучного журнала и, вероятно, осталось неизвестным большинству этнографов. Как ни странно, но

даже Ю. В. Бромлей, активно разрабатывавший в то время теорию этноса, не пожелал вступать в обстоятельный диспут с Л. Н. Гумилевым и ограничился критикой его отдельных положений. Должен сказать, что ряд немаловажных высказываний Ю. В. Бромлея оказался внешне аналогичным положениям Л. Н. Гумилева (например, трехступенчатая «иерархия» этнических общностей: у Л. Н. Гумилева — субэтнос — этнос — суперэтнос, у Ю. В. Бромлея — субэтнос — этнос — метаэтнос и т. п.). Такие совпадения если не по содержанию, то по крайней мере по «форме» дали основание географу К. П. Иванову выступить со статьей о том, что в советской науке реально существует лишь одно «учение об этносе», основателем которого будто бы является Л. Н. Гумилев¹⁰. Это утверждение и попытка К. П. Иванова совместить социальную и по сути биологическую трактовки этноса получили опровержение¹¹, но оно оказалось недостаточным; кроме того, будучи опубликованным в географическом журнале, оно вновь было адресовано не столько этнографам, сколько географам, среди которых идеи Л. Н. Гумилева пользовались популярностью.

После 1986 г. ситуация сильно изменилась в пользу Л. Н. Гумилева, статьи которого стали публиковаться в самых различных журналах, в том числе и литературно-художественного профиля; более того, он получил возможность рассказывать о своей концепции этноса и этногенеза даже по телевидению. Причины возросшей популярности Л. Н. Гумилева в настоящей статье не рассматриваются, поскольку этот вопрос к науке прямого отношения не имеет. К сожалению, сам Л. Н. Гумилев, будучи уже давно уважаемым университетским профессором, использовал публицистику отчасти для того, чтобы придать себе ореол давнего «страдальца за науку», несправедливо потерпевшего от гонителей-этнографов, особенно якобы от Ю. В. Бромлея¹². В результате тому теперь пришлось уже как был обороняться¹³. Отдельные главы уже упомянутого выше трактата Л. Н. Гумилева об этногенезе и биосфере Земли публиковались в научно-популярных журналах¹⁴, а в 1989 г. Ленинградским университетом он был опубликован целиком в «исправленном и дополненном» виде¹⁵ и стал доступен широкому кругу читателей. В такой ситуации этнографы должны высказаться по концепции Л. Н. Гумилева более обстоятельно, чем раньше.

Прежде чем перейти к критическому анализу монографии Л. Н. Гумилева, должен обратить внимание читателей на его методы дискуссии, о которых Р. Ф. Итс, в своего рода предисловии к данной книге пишет: «Сознаюсь, что чтение увлекательных по манере изложения книг Льва Николаевича Гумилева ... нередко создавало у меня иллюзию чтения некоего научно-фантастического романа, где объективные факты истории соседствуют с блестящими логическими пассажами и даже *домыслами, выстроенными в гипотетические цепи* (курсив мой. — В. К.). Не лишало меня такой иллюзии и чтение представляемого читателю капитального труда „Этногенез и биосфера Земли“, в котором главной концептуальной единице — пассионарному толчку — придано внеземное происхождение и в котором обширность знаний автора вместе с увлеченностью темой нередко порождают парадоксальность выводов, „неакадемическую“ манеру изложения взглядов и *своеобразную форму критики оппонентов и предшественников*» (курсив мой. — В. К. — с. 3).

Сравнение научных монографий с научно-фантастическими романами вряд ли является похвалой, но здесь оно сильно хромает и по причине того, что научная фантастика требует строгой логики развития базовой фантастической идеи, чего нет в трактате «Этногенез и биосфера Земли», содержащем, как будет показано далее, ряд аналогичных построений, здесь более подходит распространенное в США название «свободной фантазии» («fantasy»). Что же касается «своеобразной формы критики оппонентов», то и это выражение нуждается в коррекции. «Своеобразие» этой критики заключается в том, что Л. Н. Гумилев стремится переспорить своих оппонентов, выдергивая из их работ куски фраз и перетолковывая их содержание в удобном для его критики виде¹⁶.

Подчас Л. Н. Гумилев и вовсе обходится без ссылок на критикуемые источники, и меня просто оторопь брала, когда я неожиданно узнавал из его книги, например, что «предложение В. И. Козлова (какое — не говорится. — В. К.) сводится к упразднению этнографии и замене ее демографией с учетом занятий населения. Однако это интереса у нас не будит» (с. 56).

Из числа других примеров «своеобразной критики» Л. Н. Гумилевым своих оппонентов уместно привести начало подраздела «Этнос как иллюзия», где (со ссылкой на мою книгу «Динамика численности народов». М., 1969. С. 56) говорится: «Но, может быть, „этнос“ — просто социальная категория, образующаяся при сложении того или иного общества? (Следует ссылка на мою книгу — В. К.) Тогда „этнос“ — величина мнимая, а этнография — бессмысленное время препровождение [?!], так как проще изучать социальные условия [?]. Данная точка зрения ошибочна, что становится очевидным, если спекуляции подменить наблюдением социальных процессов, доступных вдумчивому человеку [!]. Поясним это на реальных примерах... Можно ли сказать про маршалов Франции Мюрата или Ланна, что они баски, а не французы? Или про д'Артаньяна, исторического персонажа и героя романа Дюма?.. Таким примерам несть числа, но все они указывают, что этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не есть продукт самого сознания» (с. 60). Я, право, мог бы поспорить о том, следует ли считать д'Артаньяна «французом», если сам А. Дюма всячески подчеркивает, что он «гасконец», но дело в том, что на указанной Л. Н. Гумилевым странице моей книги не говорится ни о французах, ни о том, что этнос образуется «при сложении того или иного общества». Там дано краткое определение понятия «этнос», которое теперь, спустя 20 лет, отнюдь не кажется мне совершенным, но оно отражает сущность моего (да и не только моего) понимания этноса и потому его целесообразно привести полностью. Вот оно: «*Народ, или этническая общность*, — социальный организм, сложившийся на определенной территории из групп людей при условии уже имевшейся у них или достигнутой ими по мере развития различных связей (хозяйственных, культурных и др.) общности языка, общих черт культуры и быта, особенностей психического склада, а если эти группы резко отличались в расовом отношении, то и значительной метисации их. Основными признаками этнической общности являются: этническое самосознание и самоназвание, язык, территория, особенности культуры, определенная форма социально-территориальной организации или стремление к созданию такой организации. Эта формулировка не отражает, конечно, всего многообразия действительности и для своего конкретного применения требует, как видно из предыдущих разделов, тех или иных дополнений»¹⁷.

И еще одно предварительное замечание. Полемика с самим Л. Н. Гумилевым, фанатически отстаивающим свои идеи, уже давно представляется мне мало полезной, поэтому данная статья обращена не к нему, а к его читателям, особенно к тем, кто так или иначе расположен к его концепции, самый же лучший способ добросовестно показать ущербность его идей состоит в том, чтобы изложить их системно его собственными словами в виде цитат из данного «исправленного» издания его книги. Надеюсь, что такое цитирование окажется полезным для тех, кому не удалось прочитать эту книгу и кто знает о концепции Л. Н. Гумилева понаслышке. К этому я и перехожу.

Что такое этнос? Люди, населявшие и населяющие Землю, различаются по расовым (антропологическим), языково-культурным и другим признакам, образуя различные более или менее стойкие сообщества и группировки, в том числе народы, или этносы, которые являются основным объектом рассуждений Л. Н. Гумилева. Поэтому первое, что надлежит установить при критическом анализе концепции Л. Н. Гумилева, это, конечно, понимание им сущности этноса. Однако при внимательном чтении его монографии нетрудно заключить, что никакого четкого понятия «этноса» у Л. Н. Гумилева нет и в разных

местах книги содержатся в чем-то различные идеи об этносе. Приведу основные его высказывания по порядку страниц.

«...Если найдется привередливый рецензент, который потребует дать в начале книги четкое определение понятия „этнос“, то можно сказать так: этнос — феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго закона термодинамики (закон энтропии. — В. К.), что подтверждается диахронической хронологией исторических событий. Если этого достаточно для понимания, то можно не читать книжку дальше [!]» (с. 15).

«Каждый человек одновременно — член социума и член этноса, а это далеко не одно и то же. Равным образом этнология как наука требует определения. Скажем пока так, что этнология — наука об импульсах поведения этнических коллективов, подобная этологии, науке о поведении животных» (с. 18).

«Этносы — явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение [?] в строении биосферы Земли» (с. 24).

«Этнос, тот или иной, как, например, язык, — явление не социальное, потому что он может существовать в нескольких формациях» (с. 35).

«Этнос — специфическая форма существования вида *Homo sapiens*, а этногенез — локальный вариант внутривидового формообразования, определяющийся сочетанием исторического и хрономического (ландшафтного) факторов» (с. 35—36).

«Греческое слово „этнос“ имеет в словаре много значений, из которых мы выбрали одно: „вид, порода“, подразумевается людей... Это свойство вида *Homo sapiens* группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и „своих“ (иногда близких, а часто — довольно далеких [?]) всему остальному миру» (с. 41). Отмечу, что в качестве примера группировок людей Л. Н. Гумилев здесь приводит «православных» и «нехристей» (включая католиков), что к этносам не относится.

«Итак, смены социальных состояний подобны (хотя и не идентичны) сменам природных состояний: они обратимы и требуют для перехода из одного в другое дополнительной энергии. Но таков ли этнос? Можно ли, сделав усилие, сменить свою этническую принадлежность? Видимо, нет! Но уже это одно показывает, что этнос не состояние (тем более гражданское), а процесс [?]» (с. 72).

«Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология [?] иногда являются определяющими моментами, а иногда — нет. Вынести за скобки мы можем только одно — признание каждой особью: „Мы-то такие, а все прочие — другие“» (с. 94).

«Итак, этнос — не зоологическая популяция, а системное явление (в чем суть его „системности“ — неясно. — В. К.), свойственное только человеку и проявляющее себя через социальные формы, в каждом случае оригинальные, ибо хозяйство страны всегда связано с кормящим [?] ландшафтом, уровнем развития техники и характером производственных отношений» (с. 218).

Л. Н. Гумилев отмечает сходство стайных или стадных форм существования высших млекопитающих с «элементарными этносами», но стаи, по его словам, «распадаются, как только самец-вожак ослабевает и теряет влияние на своих детей. Этнос же вырастает из консорции, т. е. группы людей, объединенных общей судьбой. Если это одни мужчины [?!], то они добывают жен на стороне и семейные отношения возникают во втором, третьем [?] поколении. Семейные связи закрепляют возникающий этнос, но они не обязательны, ибо наблюдаются случаи широкой экзогамии [?], особенно ясные при комплектовании гаремов [?]» (с. 218).

«Поскольку в основе этнической общности лежит биофизическое явление (далее, по Л. Н. Гумилеву, также „этническое поле“. — В. К.), то считать

его производным от социальных, экономических, лингвистических, идеологических и т. п. факторов нелепо» (с. 295).

«Исходя из нашего тезиса о природе этноса как системы, порождаемой взрывом пассионарности, мы имеем право определить этнос как явление энергетическое» (с. 313).

«Тип движения в этносах — колебание, развитие — инерционно и дискретно, устойчивость обеспечивается системными связями, а неповторимость и творчество — эффектом биохимической энергии живого вещества — пассионарностью, преломленной психикой как на индивидуальном, так и на популяционном уровне.

Такова, по нашему мнению, дефиниция понятия „этнос“» (с. 325).

Из приведенных цитат можно определенно понять, что для Л. Н. Гумилева этнос — это не социальная, а какая-то другая категория, что это не «состояние», а «процесс», что это некий «коллектив особей», представляющий собой «системное» и «биофизическое явление», работающее на «биохимической энергии живого вещества», что это «группа людей, объединенных общей судьбой», могущая образоваться из «одних мужчин» (например, из какой-то банды, о чем речь пойдет далее), «семейные отношения» у которых «возникают в третьем поколении» (как может появиться это поколение без предварительных «семейных отношений» во втором поколении, остается лишь гадать). Вместе с тем уместно пояснить, что именно обозначает Л. Н. Гумилев ставшим недавно очень модным термином «система». Начиная раздел «Этнос как система», он пишет: «Общезвестный пример социальной системы — это семья, живущая в одном доме. Элементы системы: члены семьи и предметы их обихода, в том числе муж, жена, теща, сын, дочь, дом, колодец, кошка. Они составляют семью до тех пор, пока супруги не разведутся, дети не отколются, начав зарабатывать сами, теща не разругается с зятем, колодец не зацветет и кошка не заведет котят на чердаке...» (с. 99). Перед нами типичный пример того, как значимые системообразующие факторы; прежде всего союз супругов, приравниваются к малозначимым — вроде ругани с тещей или даже к незначимым — вроде временного ухода кошки на чердак. Правда, «развивая» свою мысль, Л. Н. Гумилев пишет, что «если умрет теща, будет перестроен дом, сбежит кошка, уйдет любящий сын, семья сохранится, несмотря на перемены в числе элементов», но боюсь, что от такой сумбурной «логики» читатели могут совершенно забыть, что речь идет об этносах, нередко представленных многомиллионными народами, например французами или украинцами.

Но повременим пока с выводами и ознакомимся с тем, как Л. Н. Гумилев понимает сущность «этногенеза», с надеждой, что невразумительная пока суть «этноса» окажется после этого более понятной.

Странный этногенез. Начну с того, что под «этногенезом» в этнографической науке, как известно, понимается происхождение тех или иных этносов (от греч. genesis — «происхождение»), реже — начальный период этнической истории. Л. Н. Гумилев, как будет видно из дальнейшего, понимает под «этногенезом» всю этническую историю — от «рождения» этноса до его «гибели», что во многих местах затрудняет понимание смысла его высказываний теми, кто не посвящен в такую трактовку термина. Перейду к цитатам.

«Разные народы возникли в разные исторические эпохи и имели разные исторические судьбы, которые оставляли следы столь же неизгладимые, как и личные биографии, которые формируют характер отдельных людей. Конечно, на этносы влияет географическая среда... Традиции, унаследованные от предков, играют свою роль, привычная вражда или дружба с соседями (этническим окружением) — свою, культурные воздействия, религия — имеют свое значение, но кроме всего этого есть закон развития, относящийся к этносам как к любым явлениям природы (курсив мой. — В. К.). Проявление его в многообразных процессах возникновения и исчезновения народов мы называем этногенезом» (с. 27).

«Создание же этноса и его развитие, т. е. этногенез, — это как бы подключение

тока к остановившемуся мотору [?] после чего он снова начинает работать» (с. 163).

«Этногенез — процесс природный, следовательно, независимый от ситуации, сложившейся в результате становления культуры [!]. Он может начаться в любой момент, и если на его пути оказывается преграда из действующей культурной целостности, он ее ломает или об нее разобьется» (с. 164).

«...Этногенез — это процесс, проявляющийся в работе (в физическом смысле). Совершаются походы, строятся храмы и мосты, реконструируются ландшафты, покоряются несогласные внутри и вне создающейся системы. А для совершения работы нужна энергия, самая обычная, измеряемая килограммометрами или калориями. Считать же, что сознание, пусть даже этническое, может быть генератором энергии, — это значит допускать реальность телекинеза, что уместно только в фантастике.

Поясняю. Каменные блоки на вершину пирамиды были подняты не этническим самосознанием, а мускульной силой египтян, по принципу „раз-два — взяли“» (с. 164).

«Далеко не всякая территория может оказаться месторазвитием. Так, на пространстве Евразии, на всей полосе сплошных лесов — тайги от Онежского озера до Охотского моря, не возникло ни одного народа, ни одной культуры. Все, что там есть или было, принесено с юга или с севера. Чистая, сплошная степь тоже не дает возможности развития...

Подлинными месторазвитиями являются территории сочетания двух и более ландшафтов. Это положение верно не только для Евразии, но и для всего земного шара. Основные процессы этногенеза в Евразии возникали: а) в восточной части — при сочетании горного и степного ландшафтов; б) в западной — лесного и лугового (поляны в Волго-Окском междуречье); с) в южной — степного и оазисного [?] (Крым, Средняя Азия); d) на севере — лесотундра и тундра» (с. 181—182).

«Теперь мы можем сформулировать вывод из предложенного анализа: монотонный ландшафтный ареал стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный — стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этнических образований» (с. 186).

«Если бы этносы были социальными категориями, то они возникали бы в сходных социальных условиях. А на самом деле ... пусковые моменты этногенезов там, где можно их проследить на строгом фактическом материале, совпадают по времени и располагаются в регионах, вытянутых либо по меридианам, либо по параллелям, либо под углом к ним, но всегда как сплошная полоса. И вне зависимости от характера ландшафта и занятий населения на такой полосе в определенную эпоху внезапно начинает происходить этническая перестройка — сложение новых этносов из субстратов, т. е. этносов старых. Последние при этом ломаются и разваливаются, а новые развиваются весьма активно... Как будто кто-то хлещет плетью шар земной а к рубцу приливает кровь и он воспаляется» (с. 207).

«...Ставя проблему первичного возникновения этнической целостности из особей (людей) смешанного происхождения, разного уровня культуры и различных особенностей, мы вправе спросить себя: а что их влечет друг к другу? Очевидно, что признак сознательного расчета и стремления к выгоде отсутствует, так как первое поколение сталкивается с огромными трудностями — необходимостью сломить устоявшиеся взаимоотношения, чтобы на их месте установить новые, отвечающие их запросам. Также не подходит принцип социальной близости, так как новый этнос уничтожает институты старого... Уместнее применить другой принцип — комплементарности, связанный с подсознательной взаимной симпатией особей...

Итак, рождению любой этнической традиции и сопряженного с ней социального института [?] предшествует зародыш — объединение некоторого числа людей, симпатичных друг другу. Начав действовать, они вступают в историче-

ский процесс, сцементированные избранными ими целью и исторической судьбой. Во что бы ни вылилась их судьба, она — „условие, без которого нельзя“. Такая группа людей может стать пиратской бандой флибустьеров [!], религиозной сектой мормонов, орденом тамплиеров, буддийской общиной монахов, школой импрессионистов и т. п.» (с. 223—224).

«Принцип комплементарности не относится к числу социальных явлений. Он наблюдается у диких животных, а у домашних известен каждому как в позитивной (привязанность собаки или лошади к хозяину), так и в негативных [?] формах» (с. 225).

«...Формирование нового этноса всегда связано с наличием у некоторых индивидов необоримого внутреннего стремления к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного, причем достижение намеченной цели, часто иллюзорной [?] или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни...» (с. 252). Для обозначения такого импульса или генетического признака Л. Н. Гумилев здесь же предлагает термин «пассионарность» (с. 253).

«...Пассионарность — это способность и стремление к изменению окружения, или, переводя на язык физики, к нарушению инерции агрегатного состояния среды. Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака — пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков [?!]. Это очень важное обстоятельство, укзывающее, что пассионарность — атрибут не сознания, а подсознания, важный принцип, выражающийся в специфике конституции нервной деятельности. Степени пассионарности различны, но для того, чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, т. е. это признак не только индивидуальный, но и популяционный» (с. 257—258).

«Итак, любой этногенез — это более или менее интенсивная утрата [?] пассионарности системой, иными словами гибель пассионариев и их генов; особенно это проявляется во время тяжелых войн, ибо пассионарные войны по большей части погибают молодыми, не использовав полностью возможности по передаче своих качеств потомству» (с. 271).

«Как ни велика роль пассионариев в этногенезе, число их в составе этноса всегда ничтожно» — с. 273 (подавляющее большинство людей, по Л. Н. Гумилеву, — «нормальные особи» — там же).

«Наконец, в составе этносов почти всегда присутствует категория людей с „отрицательной пассионарностью“» (с. 275) (по Л. Н. Гумилеву, это «субпассионарии» — «бродяги», «бродяги-солдаты» и «вырожденцы»).

«Но если пассионарии могут проявить себя без субпассионариев, то те без пассионариев — ничто. Они способны на нищенство и на разбой, жертвой которого являются носители нулевой пассионарности, т. е. основная масса населения. Но в таком случае „бродяги“ обречены: их выслеживают и уничтожают. Однако они появляются в каждом поколении» (с. 276).

«Теперь можно сказать, что „пусковой момент“ этногенеза — это внезапное [?] появление в популяции [?] некоторого числа пассионариев и субпассионариев; фаза подъема — быстрое увеличение числа пассионарных особей в результате либо размножения, либо инкорпорации [?], акматическая фаза — максимум числа пассионариев; фаза надлома — это резкое уменьшение их числа и вытеснение их субпассионариями; инерционная фаза — медленное изменение числа пассионарных особей; фаза обскурации — почти полная замена пассионариев субпассионариями, которые в силу особенностей своего склада либо губят этнос целиком [?], либо не успевают его погубить до вторжения иноплеменников извне. Во втором случае остается реликт, состоящий из гармоничных [?] особей и входящий в биоценоз населяемого им района как верхнее, завершающее [?] звено».

«Эту внутриэтническую эволюцию проделали все этносы, которые мы считаем примитивными только потому, что их ненаписанная история тонет во мгле

веков. Но ту же картину мы наблюдаем в истории, причем особенно четко это прослеживается на субэтнических целостностях, например на сибирских казаках» (с. 279—280).

«...Чем же можно объяснить единообразие процессов этногенеза при несхожести систем между собою? Очевидно, должен быть инвариантный фактор.

Да, он есть. Назовем его так: *конstellация пространственно-временных энергетических соотношений, деформирующая этнические субстраты региона*. А затем объясним, что это такое.

Представим себе широкий поднос с негладким дном, на одном краю которого насыпаны грядой [?] шарики разного размера и веса. Толкнем неширокой лопаткой эту гряду шариков. Задетые покатятся с разной скоростью, прочие останутся на месте. Покатившиеся постепенно остановятся и образуют новую причудливую фигуру... Это образ или схема, а теперь обратимся к действительности. Пассионарный толчок (микромутация) захватывает определенный регион и придает находящимся там этносам движение, затухающее вследствие потери пассионарности... Но, поскольку все они получили один и тот же импульс, они обнаруживают черты сходства (катятся в одну сторону)».

«...Наша планета получает из Космоса больше энергии, нежели необходимо для поддержания равновесия в биосфере, что ведет к эксцессам, порождающим среди животных явления, подобные описанным выше (имеется в виду размножение саранчи и леммингов, которые проходят „сотни верст, чтобы броситься в волны океана“. — В. К.), а среди людей — пассионарные толчки, или взрывы [?] этногенеза» (с. 308).

«В отличие от закономерностей социальных для этногенеза решающим является территориальный момент, но в каждом новом случае — это новый регион. Образование народов полицентрично, вспышки этногенеза связаны не с культурой и бытом народов, находящихся в развитии или застое, не с их расовым составом, не с уровнем экономики и техники, а со специальными условиями пространства и времени. Сам по себе ландшафт не порождает новых этносов, потому что они иногда не возникают на том или ином месте, пусть очень удобном, целые тысячелетия. Регионы этногенеза все время меняются. То тут, то там начинается интересующий нас процесс, значит, его вызывают не наземные силы. Следовательно, мы должны искать источник этногенеза в окружении планеты Земля и снова обратиться к геобиохимии» (с. 312—313).

«Этногенез — инерционный процесс, где первоначальный заряд энергии (биохимической, описанной В. И. Вернадским) расходуется вследствие сопротивления среды, что ведет к гомеостазу — равновесию этноса с ландшафтом и человеческим [?] окружением, т. е. к превращению его в реликт, когда он находится в пережиточном (персистентном) состоянии, лишенном творческих сил» (с. 324).

«Ясно, что относительная длительность разных фаз этногенеза различна. Вся фаза подъема длится примерно 300 лет; процесс роста идет весьма интенсивно. Примерно такова по длительности акматическая фаза, именно в этом периоде складывается комплексное своеобразие этноса, заканчивается его экспансия и создаются условия для формирования суперэтнических культурных образований. Надлом длится меньше и занимает по времени от 150 до 200 лет. Особенно варьируют по своей длительности фазы инерции и обскурации. Это зависит как от интенсивности внутренних процессов, так и от исторической судьбы, определяющей степень развития материального базиса, накопленного за предшествовавший период, физико-географическими условиями ареала и состоянием смежных этносов. Наконец, продолжительность фазы гомеостаза, в которой существуют и исторические реликты, уже целиком зависит от физико-географических особенностей региона, вместившего остаток разбитого [?] этноса. Если эти условия благоприятны, он становится изолятой и существует неопределенно долго, т. е. до тех пор, пока на его землю не позарятся соседи. Таким образом, весь цикл этногенеза занимает от момента [?] оформления

этносоциальной системы до превращения этноса в реликт около 1200 лет, конечно, при отсутствии внешнего смещения [?], которое может нарушить процесс этногенеза в любой фазе» (с. 336).

«...Те народы, которые принято называть отсталыми, просто реликты, пережившие свой расцвет и упадок. Можно сказать, что черные австралийцы, бушмены, мундруку и даже эскимосы — это старые этносы. Поэтому так бедна их материальная культура и так фрагментарна культура духовная. Этногенезы — процессы дискретные, а потому этносам свойственно понятие „возраст“» (с. 348).

«Теперь мы знаем, что инерция пассионарного толчка теряется за 1200 лет при любом, даже самом благоприятном варианте, но лишь счастливые этносы доживают до благоприятного [?] конца» (с. 372).

Не знаю, как поймут добросовестно сделанные мною выписки из книги Л. Н. Гумилева читатели (некоторые пропуски, относящиеся к вводным и промежуточным пассажам, не искажают хода его рассуждений), но для меня при их перечитывании его концепция этноса и «этногенеза» (а фактически и всей этнической истории) стала во многом более ясной. Итак, резюмируя сказанное, можно представить, что на земном шаре существуют отдельные специфические полосы территории, как кровавые рубцы от плети, содержащие два и более ландшафта (в книге дается их картосхема на с. 330), и именно в этих вытянутых ареалах или «месторазвитиях» благодаря действию какой-то космической энергии в результате мутаций появляются люди, особо «страстные» для активной деятельности и называемые «пассионариями». Они объединяются то ли в большие, то ли в малые группы (вроде «банды флибустьеров»), и за ними в силу «комплементарности», как домашние животные за человеком, идут обычные, ординарные люди; соединенными усилиями, действуя то ли подсознательно, то ли «целенаправленно», они преодолевают сопротивление людей с отрицательной пассионарностью («субпассионариев»), а также прежнюю «культурную целостность» и по принципу «раз-два — взяли» создают новую общность, которая, по Л. Н. Гумилеву, и называется «этносом». Ничто в мире, как известно, не вечно, пассионарная энергия со временем также уменьшается, и все этносы, подобно особому биологическому виду животных существ, имеют определенную продолжительность жизни, составляющую не более 1200 лет, причем многие из них погибают раньше (в книге дается график типичной жизни этноса по «изменению пассионарного напряжения этнической системы» — с. 328).

Почти каждое положение изложенной схемы «этногенеза» с примерами вроде кучки шариков, толкаемых лопаткой, и с их толкованием Л. Н. Гумилевым, а тем более вся она целиком прямо-таки вызывают к опровержению; так и подставляются под критические удары. Даже доброжелательный критик в интересах науки должен отметить, что никаких особых этногенетических «рубцов» на земном шаре в действительности не существует; этносы возникали почти всюду, причем не только в ареалах с двумя и более ландшафтами, но и в сравнительно однородных ландшафтах; например, большинство финно-угорских народов (марийцы, мордва, удмурты и др.) сложились в лесных ландшафтах. Вызывают ли космические силы какие-то специализированные мутации среди людей, судить не берусь. Но и самому Л. Н. Гумилеву, как автору «пассионарной концепции этноса», следовало бы задуматься над тем, почему космическая энергия трансформируется в этногенетическую, и каким образом можно объяснить концентрацию такой энергии, обусловившей мутагенез «пассионариев» только в определенных ареалах поверхности Земли. Во всем этом есть, конечно, фантазия, но нет подлинной науки, и боюсь, что без мысли о направляющей воле и руке Всевышнего здесь трудно обойтись; впрочем, и от биохимической телеологии здесь проку мало.

В этнографической науке уже давно утвердилось мнение о том, что этносы складываются естественноисторическим путем, т. е. как бы сами собой, помимо личных устремлений входящих в них людей; этногенетические процессы обычно

идут медленно и не очень отчетливо, поэтому зафиксировать время рождения и смерти того или иного этноса довольно трудно. В представленной Л. Н. Гумилевым картине «этногенетической взрывной» деятельности «пассионариев» все выглядит значительно проще, но при ближайшем рассмотрении намного загадочней. Вставленные им в трактат для иллюстрации своих рассуждений краткие биографии таких «пассионариев», как Наполеон, Александр Македонский, Луций Корнелий Сулла, Ян Гус, Жанна д'Арк, протопоп Аввакум (с. 255—263), а также довольно беглое упоминание в тексте Ганнибала, Мухаммеда и других исторических персонажей мало проясняют проблему, так как никто из этих известных людей по существу не был «создателем» соответствующего этноса — французского, македонского или, скажем, русского, да и вряд ли вообще можно установить, кем были созданы эти и другие этносы. Начало этногенеза вырисовывается более или менее четко лишь у этносов, возникших на основе групп переселенцев на ранее изолированную территорию, скажем, на какой-то остров. Достаточно показательна в этом отношении история исландцев, почему-то обойденная вниманием Л. Н. Гумилева, хотя более типичных «пассионариев», чем переселившиеся в IX—X вв. в Исландию группы норвежских викингов с семьями, найти трудно (в трактате сказано лишь об угасании их «пассионарности» к XIX в. — с. 274). Такое невнимание к ним можно объяснить лишь тем обстоятельством, что «пассионарных» викингов в самой Скандинавии, откуда ушли предки исландцев, осталось в то время во много раз больше, но никакого яркого этногенетического эффекта они там не произвели.

Должен признаться, что собственные размышления над деятельностью различных пророков, самодержцев, фюреров и генералиссимусов поколебали усвоенную мною еще на институтской скамье схему о якобы, второстепенности роли личности в истории, но мне по-прежнему как-то претит откровенная прокламация Л. Н. Гумилевым идеи об универсальном характере происхождения народов по принципу взаимодействия «пассионарных» героев и серой «толпы», особенно если «комплементарное» поведение последней сравнивается с домашними животными. Полное недоумение вызывает у меня и та часть рассуждений Л. Н. Гумилева об «этногенезе», где фигурирует полученная им каким-то путем длительность различных фаз жизни этносов с конечной ее продолжительностью в 1200 лет. К счастью, Л. Н. Гумилев не привел таблиц возраста хотя бы нескольких десятков существующих ныне народов мира, но полагаю, что и без этой таблицы его выводы могут произвести большой переполох среди тех этнографов, историков и неспециалистов, которые примут эти выводы всерьез и начнут подсчитывать, сколько столетий еще осталось жить сравнительно молодым этносам вроде появившихся лишь в советский период алтайцев и как давно следовало бы уже «помереть» таким старым этносам, как, например, армяне и баски, возникшим еще до нашей эры. Для усиления сходства этносов с особым видом живых существ Л. Н. Гумилев приписывает им даже специфическую способность к самоубийству. «...Этносы гибнут,— пишет он,— значит, существуют деструктивные факторы, благодаря которым это происходит. И поскольку нет этносов, полностью изолированных от внешних воздействий, то следует полагать, что все этносы смертны. И самое любопытное — этносы иногда предпочитают гибель неприемлемому для них существованию... Именно это право на смерть [?!] отличает этнос, находящийся в фазе гомеостатического равновесия со средой (т. е. в ситуации, когда он может, казалось бы, существовать вечно. — В. К.), от популяции того или иного вида животных» (с. 119). Конкретных примеров «самоубийства» этносов Л. Н. Гумилев не приводит, и комментарии к таким его «общим» высказываниям, как говорится, излишни.

Заключая анализ предложенной Л. Н. Гумилевым концепции «этногенеза», отмечу, что изложенный выше и без того странный общий ход его рассуждений затуманивается еще и тем, что вперемежку с собственно «этнотами» он приводит еще более или менее отрывочные сведения о «субэтнотах» (например, русских казаках-землепроходцах) и «суперэтнотах» (византийском, мусульман-

ском и др.), выделяемых по различным критериям и весьма неопределенно; так, он пишет то о «византийском суперэтносе» (с. 111, 137), к которому относит на востоке даже германоязычных крымских готов и сарматоязычных аланов, а на западе — египетских коптов, то о «византийском этносе», который в IV в. «раскололся на четыре взаимовраждебных субэтноса» (имеется в виду собственно византийский, коптский, маронитский и яковитский» с. 271). Такие «этногенетические» рассуждения следовало бы подвергнуть более подробному критическому анализу, но для подобных, в общем-то частных, сюжетов в рамках данной статьи нет места. Оставшиеся страницы ее целесообразно посвятить еще одной очень важной теме — пониманию Л. Н. Гумилевым сущности межэтнических контактов.

«Химеры» межэтнических контактов. В современной ситуации резкого обострения межнациональных (межэтнических) отношений в СССР, очевидно, нет необходимости говорить о том, насколько обдуманно и осторожно следует высказываться по подобной проблематике, а тем более хотя бы отчасти оправдывать межнациональные конфликты. К сожалению, именно в этом отношении книга Л. Н. Гумилева страдает наиболее серьезными изъянами. Отстаивая свое понимание этноса как системы, работающей на «геохимической энергии живого вещества», он приписывает каждому этносу особое биофизическое поле, нормальное взаимодействие которого с полем другого этноса (т. е. межэтнические контакты) по существу невозможно; чаще всего результатом этого является возникновение вредных «химер». Приведу его рассуждения.

«Если этносы — процессы, то при столкновении двух несхожих процессов возникает интерференция, губящая каждую из исходных частей. Складывающиеся объединения химерны, а значит, нестойки перед посторонними воздействиями и недолговечны. Гибель химерной системы влечет аннигиляцию ее компонентов и вымирание [?!] людей, в эту систему вовлеченных» (с. 90).

«А бывает и так, что при полном вымирании этноса и нарушении этногенеза продолжает наблюдаться повторяемость этноценозов с некоторыми отклонениями от первоначального типа. Это называется преемственностью культуры. Так, ритмы [?] римской культуры продолжали ощущаться много веков после того, как исчез [?!] римский этнос и вслед за ним погибла Римская империя. Но если так, то мы наткнулись на понятие этнической инерции, а ведь инерция — явление физическое. Да и как может иметь место инерция тела, переставшего существовать? Очевидно, в нашем анализе чего-то не хватает. Значит, нужно ввести новое понятие и, забегая вперед, скажем прямо — в природе существует *этническое поле*, подобно известным электромагнитным, гравитационным и другим полям...» (с. 290).

«...Поле организма — это продолжение организма за видимые его пределы, а следовательно, тело — та часть поля, где частота силовых линий такова, что они воспринимаются нашими органами чувств. К кругу вибраций, влияющих на человека, относятся колебания активности органов [?!], суточные, месячные, годовые и многолетние, обусловленные влиянием Солнца, Луны, геомагнитного поля и другими воздействиями внешней среды. Одного этого наблюдения [?] достаточно для интерпретации всего собранного этнологического материала. Только за эталон исследования нужно будет принять этническую систему, т. е. перейти с организмического уровня на популяционный.

«Исходя из приведенных данных (никаких данных не приводилось. — В. К.) ясно, что определенная частота колебаний, к которым система (в нашем случае этническая) успела приспособиться [?], является для нее, с одной стороны, оптимальной, а с другой — бесперспективной, так как развиваться ей некуда и незачем. Однако ритмы эти время от времени нарушаются толчками (в нашем случае — пассионарными), и система, перестроенная заново, стремится к блаженному равновесию, удаляя элементы, мешающие данному процессу» (с. 293—294).

«Принцип, характерный для всех этносов,— противопоставление себя всем прочим („мы“ и „не мы“) — может быть истолкован просто. Когда носители [?!] одного ритма сталкиваются с носителями другого, то воспринимают новый ритм как нечто чуждое...» (с. 294).

«...Ритмы „полей“ китайского и кочевого суперэтносов столь различны, что дружеский контакт между ними, даже диктуемый политическими соображениями, никогда не был прочным и продолжительным. И это не случайно.

При сочетании данного ритма с другими теоретически может возникнуть или гармония, или дисгармония. В первом случае происходит этническое слияние, во втором — нарушаются ритмы одного или обоих полей, что нарушает и их связь и ведет к своего рода аннигиляции» (с. 296).

«Часто бывает так, что этносы прорастают друг через друга. Внутри одного этноса это не вызывает трагических последствий, но на суперэтническом уровне такие метастазы [?!] создают химерные композиции, ведущие к гибели. В схеме механизма процесса таков.

Возникшая вследствие толчка суперэтническая система связана с природой своего региона. Ее звенья и подсистемы — этносы и субэтносы — обретают каждый для себя экологическую нишу. Это дает им всем возможность снизить до минимума борьбу за существование... Кровь и при этой ситуации льется [!], но не очень, и жить можно. Но если в эту систему вторгается новая чужая этническая целостность, то она, не находя для себя экологической ниши, вынуждена жить не за счет ландшафта, а за счет его обитателей. Это не просто соседство и не симбиоз, а химера, т. е. сочетание в одной целостности [?] двух разных несовместимых систем. В зоологии химерными конструкциями называются, например, такие, которые возникают вследствие наличия глистов в органах животных [?!]. Животное может существовать без паразита, паразит же без хозяина погибает» (с. 302).

«При симбиозе на суперэтническом уровне оба компонента питаются дарами [?] природы и сосуществуют, что не исключает эпизодических конфликтов. Но все ужасы этнических столкновений при симбиозе меркнут перед ядом химеры на уровне суперэтноса» (с. 302—303).

«Естественно, что крепкие, пассионарно напряженные этнические системы не допускают в свою сферу посторонние элементы. Поэтому до XII века в Западной Европе химерные конструкции встречаются редко. Зато они появляются в начале XIII века. В качестве примера можно привести государство [?], созданное орденом меченосцев в Прибалтике, проводившее военные операции при участии воинственных ливов и кормившееся за счет обращенных в крепостное состояние леттов и куров.

Другой пример маргинальной (пограничной) химеры — Болгария. Болгары были представителями степного евразийского суперэтноса, и их симбиоз со славянами в течение почти двухсот лет являлся химерной системой» (с. 303).

«...Этническая (отнюдь не расовая) метисация не может быть расценена однозначно. При одних обстоятельствах места и времени [?!] она губит этнические субстраты, при других — деформирует, при третьих — преобразует в новый этнос. Но она никогда не проходит бесследно. Вот почему небрежение этнологией, будь то в масштабах государства, родового союза или моногамной семьи [!], следует квалифицировать как легкомыслие, преступное по отношению к потомкам» (с. 305).

«Этнические миграции — процессы стихийные, увлекающие людей, которым только кажется, что они идут в чужую страну по доброй воле. В Америку людей толкало их пассионарное напряжение, мешавшее довольствоваться скромной жизнью где-нибудь в Кенте или Мекленбурге. А ведь дома они имеют пищу, кров и женщину. В долине же Миссури им все это приходилось добывать с большим трудом и риском. И вряд ли жизнь в прериях или лесах Канады была легче деревенской идиллии [?] Европы.

Значит, тут мы встречаемся с детерминированным явлением природы, за

которое человек моральной ответственности не несет [!], если даже при этом гибнут прекрасная девственная природа и великолепная чужая культура. Грустно, конечно, но что делать?

Но если этот мигрант убивает индейского ребенка, чтобы получить премию за скальп, или доносит, что его соседка — ведьма или колдунья, после чего ее сжигают односельчане, или спалит чудную деревянную часовню в лесу (индейскую? — В. К.), или спасет заблудшего в лесу путника — это уже его деяния, за которые он несет ответственность перед своей совестью [?!]. И разница между *явлением* и *деянием* принципиальна, ибо деяния можно совершить и не совершить. Они лежат в *полосе свободы*» (с. 446).

«Мы, люди XX века, знаем, что черта нет. И все же, когда окинешь взглядом историю антисистем, становится жутко. Есть концепции-вампиры, обладающие свойствами оборотней и целеустремленностью поистине дьявольской. Ни могучий интеллект, ни железная воля, ни чистая совесть людей не могут противостоять этим фантомам. Там, где слагается этническая химера — наложение этнических полей разного ритма, появляются антисистемы. А так как за время существования человека на Земле все этносы давным-давно вступили между собой в контакты, то, казалось бы, антисистемы должны были вытеснить этносы, заменить их собой, уничтожить все живое [?] в своих ареалах и превратить свои реальные импульсы в виртуальные, дабы они могли свободно аннигилироваться. А ведь ничего подобного почему-то не произошло.

Значит, в мире есть какой-то могучий импульс, противодействующий распространению антисистем и, возможно, очищающий от них лик Земли... Это пассионарный толчок.

Нет, не героизм отдельных пассионарных особей, личностей, жертвующих собой, а именно толчок, мутация, порождающая признак пассионарности (разве не в этих личностях? — В. К.) и сообщающая заново возникающим этносам оригинальный ритм биополя, — вот что губит химеры и гнездящиеся в них антисистемы» (с. 467—468).

Если добавить к сказанному, что новые этносы неизбежно вступают в новые контакты, что снова приводит к появлению дьявольских, отравленных ядом химерных образований, стремящихся к аннигиляции и уничтожению всего живого, то от такой картины истории многим читателям может действительно стать жутко. Понятно, что таких читателей необходимо вернуть к разумному оптимизму, а для этого следует выступить против этой мрачной концепции со всей силой гуманистических принципов, но трудно решить, с чего начать. Начну с сопоставления упомянутых Л. Н. Гумилевым категории «явление» с категорией «деяние» и «совесть». Мысли Л. Н. Гумилева об «этногенезе» и о межэтнических контактах можно отнести к категории «явление», объяснить которое хотя бы отчасти я попытаюсь в заключении к данной статье; изложение же этих мыслей на бумаге и преподнесение их массовому читателю — это его «деяние», касающееся уже не только его совести. В принципе я стою за плюрализм мнений, но с условием, что выразители этих мнений достаточно ясно понимают, к чему эти мнения ведут и не являются ли они в чем-то вредными; в противном случае их, очевидно, лучше не выражать.

В тех рассуждениях Л. Н. Гумилева, где сущность общественных явлений и процессов понижается до уровня не только биологических, но и физико-энергетических явлений и процессов, на первый взгляд большой беды, казалось бы, нет; возможно, что кому-то они покажутся «чужацеством». Нет особой беды и в довольно странных рассуждениях Л. Н. Гумилева на физико-энергетическом уровне, например в попытке представить существование особого по своей энергетической природе поля (выше говорилось, например, о «римском» поле) без производящей его материально-телесной субстанции; здесь он явно уподобляется Алисе в стране чудес, которая наблюдала улыбку Чеширского кота и после того, как сам кот исчез; впрочем, пусть в этом разбираются физики. Хуже обстоит дело, когда этнические группы, оказавшиеся в иноэтнической

среде, сравниваются им с «глистами в органах животных»; известно ведь, что с глистами следует бороться, изгоняя их или уничтожая в самих «органах». И уж совсем плохо, когда его концепция этнических «полей» с особыми «ритмами» каждого из них используется в качестве «теоретической» базы для доказательств естественной (биолого-генетической) невозможности нормального, а тем более плодотворного взаимодействия различных этносов, по сути дела, для оправдания кровавых межэтнических конфликтов и этнической «аннигиляции», т. е. полного уничтожения этнических групп, порождающих «химеры».

Исторические примеры полиэтнических «химерных» образований, приводимые Л. Н. Гумилевым, весьма неубедительны; достаточно показателен в этом отношении пример взаимодействия кочевых тюркоязычных болгар с оседлыми южнославянскими племенами, в результате чего (как отчасти признает и сам Л. Н. Гумилев) возникла отнюдь не химера, а столь жизнестойкий болгарский этнос, который не могло сломить и многовековое турецкое иго. Однако сочиненная им концепция создает возможность оправдания самых кровавых событий мировой истории. На базе такой концепции упомянутый в начале статьи Ю. М. Бородай обосновал, например, правомерность истребительных походов рыцарских отрядов, направленных Папой римским на жителей цветущих областей Южной Франции — альбигойцев, осмелившихся выйти из-под его влияния; да и другие исторические события были представлены им в «зловещем и фантазмагорическом» свете¹⁸. Рассматривая деятельность пассионариев в истории, Л. Н. Гумилев обычно доходит лишь до XIX в. (например, при описании деяний Наполеона), но ведь история продолжается, и да будет позволено мне перейти в XX столетие и показать, как смогли бы использовать набор аргументов Л. Н. Гумилева, скажем, сторонники нацизма.

Итак, в конце XIX — начале XX в. под действием неких космических сил на территории Германии и Австрии произошла мутация и появились особые люди — «пассионарии» с фамилиями Гитлер, Гесс, Геббельс и др. Эти «пассионарии», недовольные окружающей их жизнью, объединились в группу (национал-социалистическую партию), за ними по принципу «комплементарности» пошли массы обычных людей, а инертных субпассионариев (нем. — *Untermensch*) они подавили. Результатом такого «естественного», по концепции Л. Н. Гумилева, процесса явились аншлюс и возникновение объединенного германо-австрийского народа с «оригинальной» по своему фашистскому духу культурой, с «энергетическим полем особого ритма» и стремлением не сидеть спокойно в своих «мекленбургах», а решительно действовать. В «экологической нише», занимаемой этим этносом, были обнаружены прибывшие когда-то иноэтнические группы, особенно евреи, отличающиеся «полем» со специфическим «ритмом» и склонные к «химерным» образованиям или к отношениям, пропитанным «химерным ядом». Этнические «поля» различного «ритма» наложились друг на друга, произошла, выражаясь терминами Л. Н. Гумилева, естественная «интерференция» и «аннигиляция», а по-простому — выталкивание части этих иноэтнических групп и физическое уничтожение почти всех оставшихся. Затем аннигиляционная активность нацистских «пассионариев» распространилась, как известно, на поляков и другие народы Европы и Советского Союза, но получила отпор, в результате чего число таких «пассионариев» резко уменьшилось, их этнос вступил в фазу «надлома» и т. д.

Изложенная схема рассуждений в духе логических построений концепции Л. Н. Гумилева приводит, как нетрудно заметить, к оправданию нацистских преступников, деяния которых были обусловлены якобы естественными силами и генетическими факторами. «Грустно, конечно, но что делать», — пишет Л. Н. Гумилев в отношении гибели «великолепной чужой культуры», а по отношению к случаям, когда прибывший в Америку «мигрант убивает индейского ребенка, чтобы получить премию за скальп», он спокойно отмечает, что за такие деяния человек несет ответственность «перед своей совестью», ибо «они лежат в полосе свободы», но подобные заключения, вероятно, могут очень по-

нравиться лишь самим снимателям детских скальпов. Полагаю, что о деяниях нацистов сам Л. Н. Гумилев думает все же иначе, но из изложенной им концепции, к сожалению, этого не следует.

Высказанные, а тем более опубликованные идеи получают как бы самостоятельную жизнь независимо от намерений их авторов, и можно показать, как легко приложить концепцию Л. Н. Гумилева, например, к событиям в Закавказье, где возник острый конфликт между армянами, генетически принадлежащими, следуя его рассуждениям, к оседлому «христианскому суперэтносу», и азербайджанцами, принадлежащими в своей значительной части к полукочевому «мусульманскому суперэтносу», и где «пассионарии» той и другой стороны, подчиняясь «естественной необходимости» борьбы против «химерных образований», изгоняли из своей «экологической ниши» иноэтнические группы, а то и прибегали к убийствам, как это произошло в Сумгаите, Кировабаде, Баку и других местах. Но заниматься этим мне очень не хочется, и будет только печально, если рассуждениями Л. Н. Гумилева действительно воспользуются какие-нибудь националисты, имеющие влияние на массы.

Заключение. Критический анализ процитированных мною многочисленных высказываний Л. Н. Гумилева можно было бы продолжить, о чем читатель, надеюсь, догадался по сделанным мною ремаркам к цитатам в виде восклицательных и вопросительных знаков. Однако приведенные цитаты хотя и представляются мне наиболее существенными во всей книге, отражающими самую суть этнической концепции Л. Н. Гумилева, все же составляют во всей их совокупности лишь часть текста книги. Поэтому мне представляется целесообразным, не превращая данную статью в обстоятельную рецензию, заключить ее общим обзором книги и некоторыми раздумьями.

Кроме рассмотренных выше основных линий рассуждений Л. Н. Гумилева в его обширном трактате есть много иного, не имеющего прямого отношения к этим линиям, например жизнеописание «пассионарных» личностей, вроде Яна Гуса и Наполеона, не имевших никакого отношения к «этногенезу», а также другие экскурсы в историю, подобранные так, чтобы показать, какими фантастическими и кровавыми путями она шла. Книга очень информативна, и возможно, каким-то читателям будет небезынтересно узнать, например, о том, как была разрушена тангутская столица Идзин-ай (с. 44) или каковы природные условия в Турфанском оазисе (с. 65 и т. д.). Есть в трактате немало обращений к естественным наукам, особенно к физике и биологии, извлечениями из которых Л. Н. Гумилев оснащает свою концепцию этноса и методологическую основу концепции «этногенеза» (зарождения, развития и «умирания» этносов), а также кладет их в основу выводов о «вредности» этнического взаимодействия; не исключая, что такие построения увлекут кого-нибудь из читателей, слабо представляющих сущность общественных явлений и процессов.

В книге Л. Н. Гумилева есть во многом правильные рассуждения о естественной связи этноса с ландшафтом того географического ареала, в котором он формируется, и во многом неверные рассуждения о том, что именно этнические контакты, «антисистемные», «химерные» образования ведут к разрушению удобных ландшафтов и что только новые «пассионарии», борющиеся с этими «химерами», могут якобы восстановить природную среду; в самом конце трактата он даже пишет, что посвящает его «великому делу охраны природной среды от антисистем» (с. 469). При сравнительно слабой до сих пор борьбе с разрастающимися и углубляющимися экологическими кризисами, даже не вполне правильные рассуждения автора при поверхностном прочтении могут также найти положительный отклик.

Чего в трактате Л. Н. Гумилева, к сожалению, нет, так это признания хотя бы гипотетической возможности мирного сосуществования и тем более плодотворного сотрудничества различных народов или этнических групп; в нем нет ничего ни об этнообъединяющих идеях мировых религий (буддизма, христианства, ислама), ни об идеях интернационализма. Все это, насколько можно

понять, чуждо его воззрениям, его строю мыслей, основанному на представлении о биологическо-энергетической природе этноса, о различном ритме этнических «полей».

При прочтении трактата Л. Н. Гумилева у меня не раз возникали мысли о том, почему в наше время могла появиться такая мрачная, во многом однозвучная по своей сути концепция. И я пришел к выводу, что это в какой-то степени связано с особенностями личной и творческой биографии Л. Н. Гумилева и особенно с давним его увлечением сюжетами истории кочевых народов Евразии периода раннеклассовых формаций. Этот довольно длительный период истории, когда прежние племенные связи были почти утрачены, а новые — национальные еще не сложились, был в этническом отношении довольно неопределенным: даже у оседлых народов Европы этническое (языково-культурное) единство родилось в муках жестоких религиозных и феодальных конфликтов; что же касается зарождавшихся в Центральной Азии волн свирепых кочевников, то их этнический облик нередко был еще более туманным; в средневековых хрониках фигурируют сотни названий-полуэтнонимов различных групп и объединений, появившихся и исчезнувших с мировой арены. Вполне вероятно, что Л. Н. Гумилев действительно хотел вскрыть сложные закономерности исторических и этнических процессов того времени, но не смог этого сделать на социальном, так сказать, уровне и схематизировал их на уровне неких биологических и физико-энергетических закономерностей, а затем распространил созданную им концепцию по существу на всю всемирную историю со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Говорят: «понять — значит простить». В данном случае это не так, и, даже частично «поняв» причины появления однозвучной концепции, трудно «извинить», а тем более «хвалить» ее автора за «оригинальность» идей. Думаю, что в нормальных условиях научной жизни попытка Л. Н. Гумилева популяризовать такую концепцию этноса, этногенеза и межэтнических отношений вряд ли пошла бы дальше публикации серии статей в журналах естественногеографического профиля; вероятно, и естественники скоро заметили бы, что использование физико-энергетических и биолого-географических понятий не должно приводить к выводу о естественности уничтожения иноэтнических групп, снятию скальпов с детей и т. д. Идеи естественности кровавых межэтнических конфликтов не были бы приняты и на Западе, где к националистической пропаганде относятся с очень большим осуждением, поэтому целесообразность публикации данной книги Л. Н. Гумилева в университетском издательстве для студентов и широкого круга читателей, тем более без должных комментариев, представляется мне сомнительной.

Когда данная статья близилась к завершению, из печати вышла еще одна большая монография Л. Н. Гумилева — «Древняя Русь и Великая степь» (М., 1989), в которой он прилагает свою концепцию этногенеза к средневековой истории кочевников Евразии, в том числе и к их взаимоотношениям с русскими княжествами, и которая, как мне представляется, подлежит критическому анализу со стороны историков. Продолжается и полемика Л. Н. Гумилева с этнографами, главным образом с представляющим их Ю. В. Бромлеем, причем первый по-прежнему ведет ее методом, далеким от этнически-корректного стиля. Когда Ю. В. Бромлей пишет, например, о важности этнической эндогамии для стабилизации и воспроизводства этносов, то Л. Н. Гумилев обвиняет его в «эротизме» [?!], а когда Ю. В. Бромлей отмечает роль межэтнических браков, то пишет: «Ю. В. Бромлей рассматривает этнический контакт не на популяционном, а на клеточном уровне, т. е. с точки зрения сперматозонда [?!], а последний, как известно, не имеет этнической принадлежности»¹⁹. Боюсь, что после публикации данной статьи Л. Н. Гумилев найдет неэтнические критические слова и в отношении меня. Но что делать, как говорится, наука «требует жертв»...²⁰

Примечания

- ¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
- ² См., например, дискуссию по статье М. В. Крюкова «Еще раз об исторических типах этнических общностей» // Сов. этнография. 1986. № 2—4.
- ³ Имеются в виду авторы, пытающиеся оборвать историческое развитие этноса на донациональной стадии и представить нацию в качестве особой «социальной», а не «этнической» общности; см., например, Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. М., 1981. С. 53, и др.
- ⁴ Гумилев Л. Н. О термине «этнос». Этнос как явление // Доклады отделений и комиссий Геогр. о-ва СССР. Вып. 3. Л., 1967; его же. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1—2; его же. Этнос — состояние или процесс. Сущность этнической целостности (Ландшафт и этнос. XII) // Вестн. ЛГУ. 1971. Вып. 4, и др.
- ⁵ Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2; Артамонов М. А. Снова «герои» и «толпа»? // Там же. 1971. № 2; Козлов В. И. Что же такое этнос? // Там же.
- ⁶ Козлов В. И. О биолого-географической концепции этнической истории // Вопр. истории. 1974. № 12.
- ⁷ Уместно упомянуть в этой связи и статью Першиц А. И., Покишевский В. В. Ипостаси этноса // Природа. 1978. № 2.
- ⁸ Бородай Ю. М. Этнические контакты и окружающая среда // Природа. 1981. № 1.
- ⁹ Кедров В. М., Григулевич И. Р., Кривелев И. А. По поводу статьи Ю. М. Бородаи «Этнические контакты и окружающая среда» // Природа. 1982. № 3.
- ¹⁰ Иванов К. П. Взгляды на этнографию, или есть ли в советской науке два учения об этносе // Изв. Всесоюз. географ. о-ва. 1985. Вып. 3.
- ¹¹ Машбиц Я. Г., Чистов К. В. Еще раз к вопросу о двух концепциях «этноса» (по поводу статьи К. П. Иванова) // Изв. ВГО. 1986. Т. 118. Вып. 1.
- ¹² Достаточно показательна в этом его статья: Гумилев Л. Н. Биография научной теории, или Автонекролог // Знамя. 1988. № 4.
- ¹³ Бромлей Ю. В. По поводу одного «автонекролога» // Знамя. 1988. № 12; его же. Человек в этнической (национальной) системе // Вопр. философии. 1989. № 7.
- ¹⁴ См., например, Природа и человек. 1988. № 2; 1989. № 1—4.
- ¹⁵ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд., исправленное и дополненное / Под ред. д-ра геогр. наук проф. Жекулина В. С.; рецензенты: д-р ист. наук С. А. Маретина, канд. ист. наук Ю. В. Маретин, д-р биол. наук М. М. Тихомирова. Л. 1989. 496 с. Далее в тексте ссылки на эту книгу даются лишь с указанием страницы.
- ¹⁶ Историк М. И. Артамонов в упомянутой статье отметил, что «зависимость человека от природы тем меньше, чем выше его культурный уровень, это — прописная истина». Отмечу, что под «культурным уровнем» М. И. Артамонов понимает историческое развитие культуры в связи с развитием материального производства. В ответ Гумилев заявляет, что с этим согласиться трудно, и пишет: «Никто не может доказать, что профессор дышит иначе, чем бушмен, или размножается неполовым путем, или нечувствителен к воздействию на кожу серной кислоты... или что на него иначе действует земное притяжение» (с. 23). Таким образом, он подменяет вопрос об исторически изменяющемся взаимодействии природы и человека вопросом о том, сильно ли различается физиология образованного и необразованного человека.
- ¹⁷ Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969. С. 56.
- ¹⁸ См. Кедров В. М., Григулевич И. Р., Кривелев И. А. Указ. раб.
- ¹⁹ См. Бромлей Ю. В. Человек в этнической (национальной) системе // Вопр. философии. 1988. № 7; Гумилев Л. Н. Письмо в редакцию «Вопросов философии» // Там же. 1989. № 5.
- ²⁰ Послесловие. 24 мая с. г. газета «Московская правда», ранее не проявлявшая интереса к теории этноса, опубликовала пространное интервью с Л. Н. Гумилевым, в котором он объявил себя «создателем этнологии» и порицал академика Ю. В. Бромлея за то, что тот как «тяжелодум», отказался от телевизионной полемики. Насколько мне известно, Ю. В. Бромлей не успел ответить на этот новый выпад, так как 4 июня он скончался. Интервью Л. Н. Гумилева называется «Чтобы свеча не погасла». Можно надеяться, что та свеча истины, которую защищал Ю. В. Бромлей в споре с Л. Н. Гумилевым, действительно не погаснет.